

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, профессора Реента Юрия Арсеновича на диссертационное исследование Лаврёновой Анны Михайловны «Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг.», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация, подготовленная А.М. Лаврёновой, представляет несомненный теоретический и практический интерес. Объектом ее исследования заявлен Отдельный корпус жандармов, но по факту стала вся система политической полиции России в период со времени переподчинения Отдельного корпуса жандармов Департаменту полиции МВД Российской империи до падения монархии. Жандармские формирования входили в число наиболее важных государственных правоохранительных и, в известной мере, социально-политических институтов. Тем не менее, в советской историографии их деятельность долгое время рассматривалась в основном в плоскости карательной политики царизма. Однако в последние десятилетия появились исследования, более объемно и объективно освещающие историю жандармских структур России. Вместе с тем следует отметить, что чаще всего в научной литературе представлены работы, посвященные раскрытию характеристик служебной деятельности политической полиции. Осознавая это, диссертант наметила целый ряд ориентиров, целей и задач, которые позволили ей наиболее полно и объективно раскрыть содержание исследуемой проблемы.

Формулируя задачи своего исследования, соискатель подчеркивает, что основная ее цель – выявление и последующий анализ «взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов с чиновниками различных ведомств, общественностью, прессой, представителями противоправительственных организаций; реконструкция восприятия обществом деятельности... жандармов и сопоставление с реальными фактами жандармской службы» [Л. 4]. Действительно, диссертанту удалось показать важные элементы жизнедеятельности правоохранитель-

ных органов самодержавного государства. Ее попытка разобраться в деталях социальных отношений в рамках структур политической полиции оказалась достаточно успешной. Таким образом, формулировки предмета, целей и задач исследования не вызывают сомнений.

Главным отличием работы А.М. Лаврёновой можно оценить уровень освещения взаимоотношений жандармских чинов в рамках всей охранительной системы империи, детализация ее на примерах составных структурных частей. Впервые рассматриваются гендерные и семейные аспекты в служебных и личных отношениях чинов политической полиции. Введен в научный оборот ряд ранее не используемых документов. Вероятно, соискатель полагает, что отношения жандармов и революционеров, как двух противоборствующих сторон, достаточно исследованы. Поэтому она отказывается от традиционных подходов и ставит перед собой задачу «по-новому оценить служебную практику и социальную роль «голубых мундиров», что для отечественной историографии составляет определенную новизну» [Л. 32]. Правда, в чем конкретно состоит эта новизна, диссертантом не уточняется, а читателем осознается не в полной мере. В целом же, можно утверждать, что соискатель провела **исследование актуальной и все еще недостаточно разработанной темы.**

Применявшаяся методологическая база также соответствует целям и задачам диссертационного исследования. В основу работы традиционно был положен комплекс общенаучных методов, базирующийся на принципах объективности и историзма. Соискатель провела целостный анализ источников и литературы. Однако использование нарративного метода исследования порою было чрезмерным. В итоге предпочтение описательным характеристикам событий ослабило аналитическую работу с ними.

Сложность поставленных задач потребовала углубленного изучения источников. Использованная библиографическая база представляется достаточной для раскрытия проблемы. К особенностям работы можно отнести привлечение соискателем не только большого числа печатной, мемуарной литературы, но и широчайшего круга документов из фондов Государственного архива Рос-

сийской Федерации, что, безусловно, связано с местом ее работы. И хотя целостного охвата всех регионов не получилось (что, признаем, было бы непосильной работой даже для группы исследователей), документы многих региональных жандармских управлений были профессионально использованы для иллюстрации тех или иных положений, выносимых на обсуждение научного сообщества. В целом же проведенный анализ текста диссертации позволяет утверждать, что он характеризуется широтой охвата проблемы, конкретикой поставленных задач и **достаточной степенью обоснованности выводов.**

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а также десяти приложений, включающих ряд документов, таблиц и схем.

Содержательную часть открывает глава 1 «Отдельный корпус жандармов¹: история, структура, кадры», состоящая из трех параграфов. В первом из них раскрывается предыстория создания ОКЖ и основные этапы последующего его существования. Во втором параграфе соискатель характеризует закономерности и особенности взаимодействия жандармов внутри системы политической полиции. Третий параграф поделен на две части. И если вторая из них – «Жандармско-полицейские управления железных дорог в контексте политики Департамента полиции», вполне ожидаема, то первая – «Жандармские управления и охранные отделения», вызывает ряд вопросов.

Действительно, жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД), хотя длительное время не входили в систему политической полиции, но по своей численности составляли основу ОКЖ, превосходя в этом отношении все остальные его структуры вместе взятые. Что же касается параграфа 1.3.1, то объединение в нем жандармских управлений и охранных отделений представляется нам весьма спорным в силу нескольких причин. Во-первых, условия создания и специфика их деятельности значительно отличались. Во-вторых, и это главное, охранные отделения структурно не входили в Отдельный корпус жандармов. Безусловно, они являлись органами политического

¹ Далее – ОКЖ.

сыска, но подчинялись Департаменту полиции наравне с последним. Руководителями и штатными сотрудниками охранных отделений могли быть как офицеры ОКЖ, так и гражданские классные чины. О реальном статусе «охранки» говорит хотя бы такое положение, утвержденное Советом министров: «Вмешательство других учреждений и лиц, кроме Департамента полиции и начальников районных охранных отделений, в деятельность местных охранных отделений не может иметь места»². В то же время, начальники охранных отделений имели допуск ко всем делам жандармских управлений³.

Глава 2 «Круг взаимодействия чинов Отдельного корпуса жандармов в рамках служебной деятельности» включает в себя два параграфа. Однако первый из них – «Служебные взаимоотношения жандармских чинов вне системы органов политической полиции», состоит из четырех подразделов. В них содержатся оценки взаимодействия жандармов, соответственно, с чиновниками Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, ведомства путей сообщения, с офицерами и чиновниками военных учреждений. Эти характеристики вполне самодостаточны и полноценны. И все же было бы не лишним упомянуть и о теснейших служебных взаимосвязях Отдельного корпуса жандармов с Министерством иностранных дел и Министерством Двора и уделов.

В рамках первого из них действовала Заграничная агентура Департамента полиции. Известно, что ее руководители надворный советник П.В. Корвин-Круковский и П.И. Рачковский проходили по ведомству МВД. Последний из них установил теснейшие деловые связи с французскими министрами: МИД – Флурансом и МВД – Констаном. Более того, он удостоился личной дружбы с президентом страны Лубэ. Официальные и полуполицианские отделения Заграничной агентуры появились в Германии, Австро-Венгрии, Англии, Италии. С 1909 г. этими структурами заведовал статский советник А.А. Красильников, числившийся по ведомству МИД, но фактически являвшийся чиновником Депар-

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 262. Д. 23. Л. 1.

³ Временное положение об охранных отделениях. § 10. См.: Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 592. Л. 61 об.

тамента полиции. В его распоряжение регулярно направлялись жандармские чины. Что же касается полиции Министерства Двора и уделов, то она полностью была креатурой Отдельного корпуса жандармов.

Значительный интерес представляет параграф 2.2 «Взаимоотношения жандармских чинов с адептами противоположительственных идеологий и организаций». Именно здесь в наиболее яркой форме автор обращается к проблеме взаимодействия чинов ОКЖ и определенной, весьма активной части общества. В частности, она подчеркивает, что преобладали «два основных метода взаимоотношений политической полиции с революционными организациями»: длительное наблюдение за ними с целью последующей ликвидации всей сети, либо планомерная изоляция от общества руководителей и наиболее важных членов этих организаций [Л. 138]. В числе «особых приемов» названы «перекрестное наблюдение, дезинформация, дискредитация революционеров перед лицом их товарищей, и, наконец, провокация» [Л. 139].

Но это – методы работы, а не человеческие взаимоотношения. И результаты ее далеко не всегда оправдывали поставленные цели. Как отмечает соискатель, общественность нередко вставала на сторону революционеров, что «способствовала росту террористической практики», а «имена известных террористов ... становились культовыми» [Л. 168]. Для нас же важно выявить причины такого положения. И диссертант дает ответы на этот вопрос. Она справедливо полагает, что общество раздражали нередкие случаи «арестов практически невинных людей, заключением их в тюрьмы без серьезных оснований» [Л. 171], а также «классовый характер» жандармского ведомства, проявлявшийся в стратификации отношения его чинов к преступникам в зависимости от принадлежности последних к тому или иному социальному слою. В итоге, вместо взаимопонимания формировался непримиримый антагонизм.

Наиболее глубокое осмысление проблем социальных взаимоотношений нашло в материалах третьей главы «Круг внеслужебного взаимодействия жандармских чинов». Каждый из двух ее параграфов посвящен рассмотрению отдельных, наиболее значимых направлений. В частности, в параграфе 3.1 речь

идет о стандартах общественной и личной жизни жандармских чинов. Соискатель вполне обоснованно утверждает, что общение жандармских офицеров в основе своей ограничивалось сослуживцами, чиновниками губернских учреждений и армейскими офицерами. Для семейного союза они избирали спутниц жизни из близких им социальных слоев населения. В частности, приводятся данные по Московскому ГЖУ. Там жены офицеров были: «потомственные дворяне (24 %), личные дворяне (48 %), купцы (17 %), разночинцы (6,5 %) или священнослужители (4,5 %)» [Л. 185]. Казалось бы, это гарантировало высокий уровень культуры, нравственности, интеллигентное поведение. Тем не менее, выяснялось, что «жандармы обладали теми же пороками, что и их собратья по военной службе» [Л. 194]. Ну а представители рядового и младшего начальствующего состава и вовсе мало отличались от окружавших их мещан, мелких разночинцев и крестьян.

В параграфе 3.2 даются материалы, характеризующие причины и поводы негативного отношения общества к жандармам, а также особенности их воплощения. Действительно, несмотря на прилагавшиеся усилия Департамента полиции и ОКЖ, значительная часть сограждан относилась к жандармам с пренебрежением, а нередко даже с презрением. Тем интересней приведенное соискателем мнение А.И. Герцена: «Ничего в мире не может быть ограниченнее и бесчеловечнее как оптовые суждения целых сословий – по надписи, по нравственной отметке, по главному характеру». – Далее он заключает, что вполне «можно быть жандармским офицером – не утратив всего человеческого достоинства»⁴. В рамках данного раздела диссертант делает анализ литературных произведений, изданных на рубеже XIX-XX вв., и характеризующих отношения общества и жандармов. Это, безусловно, интересный и, во многом, новый ракурс в освещении проблемы. Ну а относительно неоднозначности оценок жандармов А.М. Лаврѐнова полагает, что «для одних они были зловещим символом царского произвола, для других – воплощением привычного порядка... Объек-

⁴ Герцен А. И. Тюрма и ссылка. Из записок Искандера. Лондон, Париж, 1854. С. 50.

тивное восприятие жандармской службы российским обществом оказалось попросту невозможно» [Л. 249].

Достоверность описания событий и сделанных на их основе выводов не вызывает сомнений, поскольку базируется на большом количестве качественно отобранных и проанализированных архивных, нормативно-правовых, библиографических материалах. **Новизна исследования** основывается не только на впервые введенных в научный оборот источниках, но и на творческом использовании методик работы, что отражает индивидуальные авторские подходы.

Работая над объемным трудом, сложно избежать ошибок, недостатков. Имеются они и здесь. Остановимся на основных.

1. Применяемая соискателем практика изложения исследовательских материалов зачастую носит описательный характер, в ряде случаев не завершается их систематизацией, позволяющей на этой основе сделать выводы.

2. Название диссертации предполагает исследование взаимоотношений российского общества и Отдельного корпуса жандармов. На наш взгляд, соискатель вышла за рамки этого ведомства. Фактически в первых двух главах речь идет о политической полиции либо даже в целом об охранительной системе Российской империи.

3. Во введении соискатель принимает высказывание В.Я. Гросула, о том, что общество – это «особый социальный организм, отличный от власти и от народа»⁵. Однако следует подчеркнуть, что текст диссертационного исследования в большей степени содержит анализ взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов с чиновниками различных ведомств, то есть – с государственными органами, нежели с российской общественностью. Впрочем, автор конкретизирует дефиницию понятия «российское общество» на рубеже XIX-XX веков как совокупность представителей только интеллектуальных кругов, «потребителей культурной продукции» [Л. 4, абзац 3]. В этой связи хотелось бы надеяться, что в дальнейших своих изысканиях по обозначенной проблеме диссертант обратит больше внимания взаимоотношениям структур и чинов поли-

⁵ Гросул В. Я. Русское общество XVIII-XIX веков. М., 2003. С. 6.

тической полиции с различными слоями гражданского населения.

4. Объем диссертации составляет 303 листа (без приложений, списка источников и литературы – 254 л.), что заметно превышает рекомендованные параметры. Как бы ни был интересен приводимый фактический материал, но можно и нужно назвать элементы, которые только портят впечатление о работе. Среди них можно отметить:

А) Некоторые главы и параграфы диссертации предваряют эпиграфы. На наш взгляд, это вполне соответствовало бы стилю монографии или публицистического сборника, но для диссертационной работы излишне. К тому же, смысл приводимых цитат зачастую не раскрывает основную идею в содержании текста. К примеру, в предоставленном первоначально варианте диссертации раздел 2.2. «Взаимоотношения жандармских чинов с адептами противоположных идеологий и организаций» начинался цитатой Д.Е. Галковского: «Мученичество, если и останавливает дурака (что бывает далеко не всегда), одновременно укрепляет невежество его последователей. Подлинность страданий делает подлинными убеждения мученика даже в случае бреда» [Л. 136]. Первую главу предваряли сразу два эпиграфа: В.И. Ленина и Овидия. Фраза последнего приведена на латыни и переводится как: «Кто знал бы Гектора, если бы Троя была счастливой? [Л. 34]. Напомню, что в главе идет речь об истории, структуре и кадрах ОКЖ. В окончательной версии диссертации, предоставленной в октябре, остался только один эпиграф к главе 3 [Л. 176].

Б). Еще одним направлением, способствующим безболезненному сокращению объема текста, было бы более рачительное отношение к изложению событий. Например, у соискателя гипертрофированная любовь к запискам, оставленным жандармским ротмистром А.П. Мартыновым. Перипетии его службы и личной жизни излагаются на листах 71, 74-79, 90-93, 176 и др. Выделенный ему в тексте объем информации несравним ни с одним жандармским управлением или командиром ОКЖ. Возникают сомнения в целесообразности такого подхода.

5. Ряд замечаний можно сделать по стилю и оформлению диссертации. Так, например, сноски не всегда соответствуют требованиям ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Некоторые выражения и обороты, употребление которых оправдано в публицистической статье или популярной книге, диссонируют со строгим стилем изложения, характерным для научной работы. Например, соискатель неоднократно называет Отдельный корпус жандармов «голубым ведомством» [Л. 195, 199 и др.]. Заметим, что в период его существования такой речевой оборот не употреблялся, а сегодня он несет совершенно иной, оскорбительный смысл.

Однако сделанные замечания носят частный характер и не влияют на высокую общую оценку работы. Основные результаты диссертации нашли апробацию в публикациях и выступлениях автора. Содержание опубликованных работ и автореферата соответствует основным положениям представленной для рецензирования рукописи.

В целом можно утверждать, что диссертация А.М. Лаврёновой представляет собой завершённое монографическое исследование малоизученных проблем, где разработаны положения, совокупность которых следует квалифицировать как новое слово в исторической науке. Она выполнена автором единолично, имеет научную и социально-культурную значимость. Текст работы содержит ряд новых научных положений, связанных с исследованием взаимоотношений внутри жандармских структур и охранительной системы Российской империи в целом. В диссертации соблюдены необходимые требования, предъявляемые к подобным исследованиям.

Вывод: Диссертационная работа «Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг.» выполнена на высоком научном уровне и соответствует требованиям, содержащимся в пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. (в редакции от 28.08.2017 г.) Ее автор Лаврёнова Анна Михайловна заслуживает присуждения ученой

степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Сведения об официальном оппоненте

Реент Юрий Арсенович – профессор кафедры философии и истории Федерального казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России», доктор исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история.), профессор.

Служебный адрес: 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Академия ФСИН России.

Электронная почта: aru-fsin@mail.ru FAX: (4912) 27-21-12.

Личный телефон.: 8-920-635-3372. E-mail: reent2@yandex.ru

Профессор кафедры философии и истории
Академии ФСИН России, профессор
доктор исторических наук

Ю. А. Реент

«18» октября 2018 г.

Подпись профессора кафедры философии и истории Юрия Арсеновича Реента заверяю:

